

Beginnings of legal regulation of family relations: design assumptions

N. N. Tarusina¹, O. I. Sochneva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article examines the current norms on the principles of family legislation, the considerations of a group of Russian senators in the framework of the draft of the relevant amendments to the Family Code of the Russian Federation - in conjunction with the norms of the Constitution of the Russian Federation on the protection of the family, including the 2020 amendments to it. Criticism of a number of proposed normative-legal definitions of the basic concepts of the family sphere, as well as some value orientations of the legal regulation of family relations is given.

Keywords: family values; definitions; legal regulation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID 0000-0001-8827-5532
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Sochneva Olga I. | E-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru
Senior lecturer

Начала правового регулирования семейных отношений: проектные предположения

Н. Н. Тарусина¹, О. И. Сочнева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 342.723
Научная статья

В статье рассматриваются действующие нормы о началах семейного законодательства, сообщения группы российских сенаторов в рамках проекта соответствующих изменений Семейного кодекса Российской Федерации во взаимодействии с нормами Конституции Российской Федерации о защите семьи, включая поправки к ней 2020 года. Дается критика ряда предлагаемых нормативно-правовых дефиниций основных понятий семейной сферы, а также некоторых ценностных ориентиров правового регулирования семейных отношений.

Ключевые слова: семейные ценности; дефиниции; правовое регулирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID 0000-0001-8827-5532
Кандидат юридических наук, профессор

Сочнева Ольга Игоревна | E-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru
Старший преподаватель

Как известно, проектные изыскания наиболее эффективного правового регулирования семейных отношений, включая общие начала такого регулирования и его частные, но весьма актуальные аспекты, длились более десяти лет. И это не считая систематических размышлений по означенной проблематике российских ученых-семейноведов.

Ожидания последних лет были обусловлены необходимостью решить несколько задач: 1) в соответствии с требованиями современных законодательных технологий сформулировать дефиниции основных понятий семейно-правовой сферы, имеющих значение не только для семейного, но и для дру-

гих отраслей российского законодательства; отсутствие таких дефиниций было тем более странным на фоне вполне удачных попыток законодателей государств ближнего зарубежья; 2) в связи с усиливавшимися атаками на российскую семейно-правовую идеологию, ориентированную на сохранение традиционных семейных ценностей, в противовес либерально-западным тенденциям на отказ от последних, уточнить, конкретизировать начала, на которых строится и должно продолжаться строиться российское конституционное, административное, семейное, гражданское (и в определенной своей части – уголовное) законодательство; 3) с уче-

том насущных потребностей в оптимизации содержания родительства, опеки, усыновления/удочерения, статуса родителей и детей в защите интересов семьи, в том числе от необоснованного публично-государственного вмешательства в ее жизнедеятельность, переориентировать те институты семейного права, которые предназначены обеспечивать позитивные и охранительные составляющие указанных статусов.

В июле 2020 г. в Государственную Думу РФ был группой сенаторов (Е. Б. Мизулиной, Е. В. Афанасьевой, А. Д. Башкиным и др.) представлен законопроект о внесении изменений в Семейный кодекс РФ [1]. В отличие от прежних проектов в последнем принята попытка системно решить проблемы, накопившиеся за последние годы в правоприменительной практике, а также учесть современную идеологию российского семейного права и соответствующие конституционно-правовые новеллы.

Что удалось и не удалось проектантам в деле реализации данной триады задач? Так, при общем благоприятном отношении к попыткам дефинирования семейно-правовых понятий следует с сожалением констатировать ряд неточностей, недоговоренностей или же, напротив, избыточность охвата данным дефинированием ряда очевидных конструкций.

С одной стороны, многолетняя дискуссия в цивилистике о целесообразности/возможности закрепить в семейном законе дефиницию брака разрешилась в предлагаемом проекте в пользу сторонников формально-разумной определенности. Тем более что такая позиция актуализировала себя в свете новейших конституционных поправок о гетеросексуальной сущности супружества как одной из традиционных ценностей российского общества. В действующей версии Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) норма ст. 12 обозначала данную сущность лишь косвенным образом, что вызывало соответствующую активность представителей сексуальных меньшинств на уровне массовых

информационных ресурсов, политологической, социологической и юридической доктрины, практики обращения к конституционно-судебной защите. Означенная нами констатация – безусловный шаг в верном направлении. В то же время при определении брака нет необходимости подчеркивать добровольность союза (что как раз и осуществлено в версии проектантов): поскольку союз является филологическим и юридическим аналогом соглашения [2], требование свободы волеизъявления его участников относится к очевидным и классическим постулатам цивилистики и юриспруденции в целом; если же настаивать на данном признаке применительно к браку-соглашению, то следует заявлять означенное требование и ко всем иным соглашениям как семейно-правовой сферы, так и цивилистики в целом (а также и международного права), чего не делается и не планируется делать.

В определении также дается ссылка на конкретные федеральные законы, регулирующие государственную регистрацию брачного союза (вплоть до обозначения их реквизитов). Это также не соответствует сложившейся законотворческой традиции и, кроме того, излишне формализует текст и усложняет его восприятие. Обычно законодатель удовлетворяется принципиальной ссылкой на федеральное (или региональное) законодательство как таковое. При этом в дефиниции отсутствует указание на права и обязанности супругов, что не соответствует абсолютному большинству доктринальных определений брака [3], а равным образом и вполне разумным, адекватным нормативно-правовым дефинициям, предложенным в зарубежном законодательстве (белорусском, казахстанском, украинском и др.).

Не отличается точностью и определение понятие «дети» («лица, не достигшие восемнадцати лет»). В таком контексте данная дефиниция не согласуется с нормами СК РФ, определяющими срок существования родительских прав и обязанностей, а также с нормами Гражданского кодекса РФ (да-

лее – ГК РФ) о дееспособности физических лиц [4]. В частности, по смыслу нормы п. 2 ст. 61 СК РФ родительские права прекращаются не только с достижением детьми 18-летнего возраста, но и в других установленных законом случаях приобретения последними полной дееспособности до достижения совершеннолетия. Согласно положениям ст. 21 и ст. 27 ГК РФ к таким случаям относятся вступление в брак (в порядке, предусмотренном нормой п. 2 ст. 13 СК РФ, а также ФЗ «Об актах гражданского состояния» и региональным законодательством) и эмансипация. Соответственно, в этих случаях у несовершеннолетнего прекращается и статус ребенка, определяемый нормами СК РФ, что в предлагаемом определении не учтено (как, впрочем, не учтено и в действующей норме ст. 54 СК РФ, давно и справедливо критикуемой в доктрине [5, с. 149–152]).

Не вполне ясным является определение родителей «кровные мать и отец ребенка», особенно в контексте противопоставления статусов генетических родителей ребенка («заказчиков» по договору суррогатного материнства) и приоритетного права суррогатной матери на оставление ребенка себе – по смыслу нормы п. 4 ст. 51 СК РФ. На неопределенность понятия «мать ребенка» в этой связи указывали и судьи Конституционного Суда РФ (особое мнение судьи Г. А. Гаджиева к определению № 880-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение конституционных прав положениями пункта 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 федерального закона “Об актах гражданского состояния”»).

Проектанты, предложив дефиницию брака (возможность которой долгие годы оспаривалась многими законодателями и учеными-цивиристами), где в качестве одного из ключевых признаков зафиксировали цель супружества (создание семьи), остановились на достигнутом, не предприняв попытки дефинировать и конструкцию семьи. Тем самым авторы проекта призвали супругов

создавать то, о чем сами не имеют юридического представления. Не упростили они и задачи судов, оперирующих понятиями «интересы семьи», «фиктивный брак, то есть союз, заключенный без цели создания семьи» и т. д. Между тем сопротивление дефинированию обоих понятий осуществлялось на основе относительно общей аргументации, где главным было соображение о сложности, комплексности данных конструкций. Применительно к понятию семьи, правда, высказывалось и еще одно соображение: сущность ее для различных отраслей российского права – не тождественна [6, с. 335]. Воистину аргумент, будоражащий кровь почитателей логики, специалистов в области социологии семьи и ценителей законотворческих технологий. Поскольку мы неоднократно и подробно высказывались по данному вопросу, ограничимся ссылкой на один из своих последних трудов [7].

Не вполне четко сформулировано и проектное представление о фактических воспитателях. Что означает тезис «добровольно участвующие в воспитании и (или) содержании ребенка»? Во-первых, добровольно участвовать в означенных процессах могут весьма различные категории граждан и при этом, в том числе в ситуации, когда ребенок не лишен родительского или иного законного попечения. Во-вторых, помощь в содержании могут оказывать и различные благотворители. В-третьих, как известно, фактические действия имеют юридическое значение только в силу прямого указания закона. В нашем случае фактическое воспитание принимается семейным законом прежде всего в контексте возможного возникновения алиментного обязательства фактического воспитанника перед фактическим воспитателем, причем в качестве дополнительного признака вводится условие о длительной и надлежащей заботе о ребенке. Разумеется, не исключается и более широкое прочтение сущности термина [8]. Однако в любом случае он нуждается в уточнении через признаки цели, добросо-

вестности, систематичности и длительности соответствующих действий.

Противоречиво сформулированы дефиниции «организации» и «организации для детей, оставшихся без попечения родителей». Выражается это в том, что при определении термина «организация» организации для детей, оставшихся без попечения родителей, обозначены в качестве одного из видов таковых организаций наряду со структурами образовательного, медицинского и социально-услугового назначения. В свою очередь, в термин «организации для детей, оставшихся без попечения родителей» включаются образовательные, медицинские и социально-услуги организации, рассматриваемые, соответственно, уже как разновидности данной категории.

Неясно, на каком основании в понятийный ряд попала конструкция опеки и не заявлена конструкция усыновления/удочерения. Между тем сущность последней вызывает в судебной практике определенные сложности. И при этом данная форма попечения над детьми считается приоритетной.

Вторая парадигма характеризует расширение начал семейного законодательства. В частности, предлагаются новые принципиальные положения: уважение семейных и нравственных ценностей народов России, самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни, добросовестность родителей¹, уважение к авторитету родителей². Однако на практике заявленная универсальность (поскольку она сформулирована без оговорок) конструкции уважение традиций может привести (создать предпосылку) к оправданию жестокого обращения с детьми, например, применительно к случаям обрезания девочек, которое практикуется в ряде российских регионов по религиозным соображениям, отказа родителей от текущего медицинского контроля здоровья детей по религиозным соображениям или же создаст почву для узаконения по-

лигамных традиций (как известно, с подобными требованиями граждане обращались и в Конституционный Суд РФ) или иной гендерной дискриминации с семейным элементом и т. п. Следовательно, проектная формулировка должна быть конкретизирована с помощью критериев оценки значимости тех или иных культурно-нравственно-религиозных традиций, соответствия последних цивилизационному контексту и началам правопорядка российской государственности и российского общества.

Наконец, третья парадигма, объявляемая в качестве одной из фундаментальных презумпций – предположение о добросовестности родителей, реализована в предлагаемых редакциях норм СК РФ внутренне противоречиво. Так, по смыслу нормы ст. 1 СК РФ данная презумпция может быть опровергнута только вступившим в законную силу решением суда. Однако из редакции п. 6 ст. 65 СК РФ «Осуществление родительских прав», которая, собственно, и уточняет характер действия указанного предположения, следует, что его опровержение может фиксироваться решениями об ограничении или лишении родительских прав. Однако вопрос об оценке добросовестности поведения родителей возникает не только в ситуациях применения к ним мер семейно-правовой ответственности, но и при разрешении других конфликтов, касающихся осуществления родителями своих прав – и не только в судебном, но и административном порядке: при отказе родителей дать согласие на сделку с имуществом ребенка, на выезд ребенка за пределы РФ для отдыха или лечения, на смену фамилии при раздельном проживании родителей, на медицинское вмешательство; в спорах между родителями об ограничении одного из них в праве на общение с ребенком, о передаче ребенка от одного родителя к другому и т. п.

Стремление проектантов обеспечить интересы родителей путем закрепления данной презумпции (в предлагаемых формулировках) при внешнем благозвучии и благолепии

¹ Об этом см. в последней компоненте триады.

² Аналогично.

на практике может привести к нарушению прав и интересов детей, создать сложности в деле их эффективной защиты. Значит, положение о добросовестности родителей, при общем его положительном векторе, должно быть увязано с принципом приоритетной охраны и защиты социально значимых интересов ребенка – в рамках традиционной

для семейно-правовой сферы проблемы гармонизации публичных и частных начал семейно-правовой методологии [9].

В законопроекте предложены и другие, более частные, версии изменения СК РФ. В соответствии с задачами настоящей статьи мы ограничились анализом наиболее принципиальных его положений.

Ссылки

1. Законопроект № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7>
2. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. М.: Проспект, 2017. 480 с.
3. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
4. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
5. Величкова О. И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: материалы международной научно-практической конференции. Казань: КФУ, 2011. С. 149–152.
6. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. Т. 3. 736 с.
7. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020 № 4. С. 21–33.
8. Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания: методологический взгляд // Lex Russica. 2020. № 6. С. 18–32.
9. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.